

ственную сторону организации словаря».

Главный, как кажется, смысл нашей заметки в том, чтобы показать упрощённую схематичность этой точки зрения и дать к ней контрпример. Возможны, оказывается, случаи, когда употребление некоторой группы лексем в речи и её же ассоциирование в условиях опыта частотно организованы по-разному, с корреляцией, близкой не к 1, а к -1. И причина здесь лежит в прагматике: целеустановки тех, чьи тексты вошли в корпус, и тех, кто участвовал в эксперименте, резко разнятся. У первых употребление числительных отражает (в той или иной мере) количественную организацию мира, а реакции вторых подсвечивают количественную сторону только их сознания, к тому же поставленного в специальные условия.

С описанного опыта мог бы начаться тщательный и глубокий анализ всей наивной математики в её ассоциативном разрезе – анализ связей между наивно-математическими понятиями в уме носителя русского языка.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги: Предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина. Новосибирск, 2008.
2. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
3. *Супрун А. Е., Клименко А. П.* Ассоциативный эксперимент в ряду других методов семантических исследований // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 17–24.

«БЕЛОРУССКИЙ ТЕКСТ» В ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВЕ А.А. БЛОКА

Е. И. Путырская

Период пребывания А.А. Блока во время Первой мировой войны (с июня 1916 по март 1917 года) не раз освещался в блоковедении. Сам поэт так говорит об этом этапе в своей жизни: «Что вы называете писать? Пачкать чернилами бумагу? Откуда вы знаете, пишу я или нет? Я и сам это не всегда знаю» [2, с. 208]. Блок многолик в своем творчестве: поэт-символист, драматург, критик. А. Блок многолик и в своих жизнетворческих масках: то «рыцарь-мистик» и «поклонник Прекрасной Дамы», то в «Богемно-шутовской» маске поэта, «пригвожденного» к трактирной стойке. А. Блок на Пинских болотах по его самоопределению - «сейсмограф исторических встрясок России» [3, с. 319].

Война вынудила А.А. Блока служить табельщиком в 13-й инженерно-строительной дружине, расквартированной в прифронтовой полосе белорусского Полесья. Основная деятельность дружины заключалась в сооружении окопов, блиндажей, временных жилищ. Письма и дневниковые записи Блока Пинского периода свидетельствуют о резкой перемене в

мировоззрении поэта. По словам М.А. Бекетовой, военная служба страшно пугала Александру Андреевну, мать А. Блока: «Она боялась и климата Пинских болот, относительно которого её кто-то жестоко напугал, и близости фронта, а главное, Сашиной склонности рисковать с опасностью, идти ей навстречу» [3, с. 11]. Все эти страхи имели основание. В письмах из Пинских болот мы видим уже не утонченного поэта-символиста и представителя петербургской богемы, а А. Блока, в котором медленно умирает поэт. Он сухо сообщает матери, что в его обязанности входит: «поддержание установленного порядка, наблюдение, разбор жалоб и недоразумений между рабочими» [1, с. 249].

В «Письмах к родным» А. Блок называет топоры Пинского Полесья: это белорусские города Пинск и Лунинец, местечки – Парахонск, Камень, Ловга, деревни – Колбы, Селище, Вылазы. Встречаются бытовые и пейзажные зарисовки Полесского края, которым поэт пытается придать музыкально-лирическое звучание, однако суровые обстоятельства изменяют и стиль поэта. В одном из писем он сам отмечает, что «описать все это – выходит похоже на любую газетную корреспонденцию» [2, с. 309]. Каждое письмо отражает внутреннюю перемену в Блоке, его переход от высокой поэтической мистики к установке на эмпирическую образность и поэтический минимализм. Именно в пейзажных эпистолярных фрагментах запечатлена напряженная саморефлексия поэта, в чем он невольно признается: «Природа участвует в происходящем – она необыкновенно ярка и разнообразна: один день – жара, другой день – сильная гроза, потом холодно, потом моросит» [2, с. 308]. Вполне объяснимо, что предметом описаний в эпистолярных текстах поэта-символиста становятся не строительно-оборонительные работы и военные будни, а бабье лето с «прохладными безоблачными днями, паутиной», зимний пейзаж с «глубоким снегом», темная снежная ночь, в которую «встречные деревья и кусты принимаешь за сани, кажется, что они движутся» [2, с. 337]. Используя традиционный символистский образ звезды, Блок замечает, что «Большая Медведица довольно низко над горизонтом, направо – Юпитер», а лунные ночи на Полесье кажутся «олеографическими».

Художественная мысль Блока теперь связана с самопознавательной деятельностью, поэтому и сконцентрирована на образах природы, которые традиционно связаны с внутренним состоянием лирического героя: «Природа удивительна. Сейчас мягкий и довольно глубокий снег и месяц. Остальное все – кинематограф, непрестанное мигание, утомительное разнообразие» [2, с. 322]. В прогулках для Блока кроется единственная возможность уединения, бегства от вынужденного общения, которое угнетает поэта. «Современные люди в большом количестве хороши разве на открытом воздухе, но жить с ними в одном хлеву долгое время бывает тягостно» [2, с. 321]. А. Блок составляет поэтическую карту Пинского

Полесья. К одному из писем к жене А. Блок приложит нарисованную им реальную карту прифронтового района – Парахонска и его околлиц. На карте отмечены Гомель и Лунинец с железной дорогой до Пинска, Ловга I и Ловга II, Новый Двор, Погост, Камень, Улька, Куденово, Молодельчицы, Селище, Вылазы, Ясельда, Бобрик. Именно это территориальное пространство охватывает служба А. Блока в белорусском Полесье. Позже к этим топонимическим объектам добавятся еще местечки Колбы, Черново, Парахонск. Линия фронта проходила рядом со станцией Парахонск, но в имени, которое отдаленно напомнило Блоку Шахматово, царит тишина: река Бобрик и ее окрестности привлекательны для купания и конных прогулок. Иногда в письмах встречаются подробности о военных обязанностях, например о том, что необходимо контролировать строительные работы в окрестностях деревень. Мистическим, вырастающим из тумана кажется Блоку город Пинск. Он из пригородных местечек кажется «приподнятый над туманом», а два симметричных храма, белый собор и красный костел, вызвали в культурной памяти сюжет картины Бёклина «Остров мертвых». В одном из писем Л. Менделеевой Блок сравнивает город Пинск с мифическим городом Китежем. Как известно, во время строительных работ на участке «Лемешевичи – Лопатино» Блок поселился в затерянной среди болот деревне Колбы в доме потомков шляхтичей Лемешевских. Быт деревни Колбы, её обитатели находят свое изображение в письмах: «устроились очень уютно – в трех комнатах (в избе) в каждой по три человека. На дворе – стадо гусей, огромная свинья, поросенок» [3, с. 146]. В стихах, написанных ранее на десять лет, уже мелькал мифопоэтический образ затерянной в болотах избушки: «И запомнилось мне, | Что в избе этой низкой | Веял сладкий дурман, | Оттого, что болотная дрёма | За плечами моими текла» [3, с. 112]. Так, образы, воплощенные в стихах, перетекали в реальную жизнь. Блок, как и многие поэты-символисты, был наделен даром предвидения, предчувствия. Он был подвержен частым приступам отчаяния, вызванным разладом мечты с реальностью. Предчувствия, воплощенные в образах-символах, находили свое воплощение в стихах. В сентябрьском письме Блока уже ощутимы тревожные сигналы: «Я озверел, полдня с лошастью по лесам, полям и болотам разъезжаю, почти неумытый; потом дремлем, сидим на завалинке, смотрим на свиней и гусей. Когда это прекратится, все покажется сном» [1, с. 148]. К концу ноября депрессия усугубляется, Блок пишет: «Мама, жить здесь стало гораздо хуже: гораздо больше одиноко, потому что все окружающие ссорятся» [1, с. 148]. В декабрьском письме мотив одиночества звучит яснее: «Очень уж здесь одиноко и многолюдно. Много приходится ругаться» [3, с. 49.]. У склонного к аутизму художника уже не раз звучали поэтические строки: «Как тяжко мертвецу среди людей | Живым и страстным

притворяться!» [3, с. 235]. Январское письмо полно отчаяния: «События окончательно потеряли смысл, а со смыслом – интерес. Может быть, я тоже устал нервно, к тому же немного болен (бронхит и осип так, что говорю шепотом, раскашлял и разругал горло)» [1, с. 152.]. Подобное поэт уже пережил в стихах 1909 года: «Сырой туман ползет с полей,| Сырой туман вползает в грудь| По бархату ночей». Удивительное созвучие настроений, отраженных в письмах с фронта, и мотивов написанных ранее стихов обусловлено символистской эстетикой жизнотворчества, восприятием реальности, как художественного текста.

Образ-символ «болото» доминировал в поэзии петербургских символистов. «Поэзия это дурман, оцепенение», – так анализирует Блок процесс художественного мышления в «болотных» метафорах. «Поэзия – это сладкое болотное зелье, навевающее тяжкую дрему» [3, с. 64], – так определяет поэт свои эпифании. Не случайно символика цвета в ранней поэзии Блока восходит к врубелевским болотным тонам: глубокие синезеленые, зеленовато-лиловые – демоническим цветам. Образ Болота по-прежнему является центральным в пейзажных зарисовках Пинского периода. Это совсем другое, южное болото, отличное от увиденных ранее северных финских болот. Так, в письме к Л. Менделеевой Блок признается: «Болота совсем не таковы, как их представляешь себе, на разной высоте, не сплошные, частью сухие» [2, с. 408]. Полесье – «глушь», «это болото забыто не только немцами, но и богом». Пинские болота воспринимаются поэтом-символистом как граница миров: уже не Россия, но еще и не Польша. В поэме «Возмездие» А. Блок так скажет о белорусских землях, не называя их белорусскими: «И вот в лучах больной зари |Задворки польские России». Из подтекста следует, что символический Дом-Россия в поэтическом мире Блока повернут фасадной частью на Восток, а российско-польское пограничье – пинские болота, Полесье ассоциируются у поэта с «польскими задворками». В сфере мистического опыта раннего Блока образ Болота символизировал пограничные состояния, возможность падения в бездны бессознательного. Оказавшись в неподвижной тишине белорусских болот, поэт вспоминал свои скитания по болотам в окрестностях Петербурга: «Полюби эту вечность болот| Никогда не иссякнет их мощь| Этот куст без нетления, тощ»; «Мне болотная схима – желанный покой...» – такие мотивы звучали в стихах 1905 года. Они созвучны настроению поэта, запечатленному в письме к Л.Д.Менделеевой из Пинских болот: «Здесь спасение от страстей, от дикой воли, в смирении и покорности» [1, с. 159]. В образную память поэта врезались кадры фронтовой жизни, спустя полгода в Петрограде поэт будто просмотрит эти слайды. Цитируем дневник 1919 года: «По вечерам иногда на меня находят эти грубые, сильные, тяжелые и здоровые воспоминания о дружине – об этих русских людях, о лошадях, попойках,

рабочих, пышной осени, лютой зиме, о белом пароходе, который кристальным утром ползет среди леса, о соснах, о Пинске вдалеке, о могилах, колокольнях, вонючем бараке, о хате Лемешевских, о саперах, о бабах с капустой – все. Хватит!!!» [3, с. 68]. А. Блок на пинских болотах потерял поэтический слух. Русь, взвихренная столбами революционной метели, уже звучит неблагозвучно. Эту какофонию сам поэт называет «музыкой революции»: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию». Таким образом, «белорусский текст», так ярко проявившийся в эпистолярном и мемуарном наследии Александра Блока, на уровне латентной образности отражен в поэме «12».

Литература

1. Бекетова М.А. Воспоминания об А.А. Блоке. М., 1990.
2. Блок А.А. Письма Александра Блока к родным| с предисл. и примеч. М. А. Бекетовой// Л.,: «ACADEMIA», 1927.
3. Блок А. А. Собр. соч. в восьми томах. Том 8.| Письма 1898 – 1921 г.// М.-Л.: Гос. изд. худ. лит., 1963.

ДЭКАНСТРУКЦЫІ «ГАМЛЕТА» У. ШЭКСПІРА Ў ПОЛЬСКОЙ ДРАМАТУРГІІ ХХ СТ.

М. А. Пушкіна

Сярэдзіна ХХ стагоддзя прэзентавала грамадскасці сваю рэакцыю на крызіс ідэй мадэрнізму і некласічнай філасофіі, на смерць надасноваў: Бога, аўтара, чалавека – плынь постмадэрнізму, накіраваную на іранічнае ўспрыняцце свету ва ўсёй яго эклектычнасці і хаатычнасці і свабоднае канструяванне светаў падобных.

Ужо ў часы мадэрнізму ў Польшчы пачалося найбольш актыўнае пераасэнсаванне вызначальнай для палякаў рамантычнай эпохі, вызначальных для культуры і літаратуры кодаў, што ў папярэднія эпохі адыгралі асаблівую ролю ў фарміраванні светапогляду. З часам на змену мадэрнісцкім прыёмам прыйшлі постмадэрновыя падыходы і стратэгіі.

Адной з такіх вызначальных для літаратурнага працэсу пазіцый з'яўляецца творчасць У. Шэкспіра (William Shakespeare, 1564 – 1616) і яго трагедыя «Гамлет» («Hamlet», 1601). «Гамлет» – гэта не проста тэкст, які мусіць існаваць у традыцыі літаратуры еўрапейскай краіны, у корпусе яе перакладной літаратуры, гэта культурна-літаратурны код і міф, адзін з найбольш папулярных герояў і сюжэтаў польскай літаратуры, культуры і нават ідэалогіі. Міф Гамлета як увасаблення лёсу і развагаў польскай інтэлігенцыі падаравала палякам ХІХ ст..

Мэта дадзенага даследавання – выявіць постмадэрновыя прынцыпы і механізмы дэканструкцыі трагедыі У. Шэкспіра «Гамлет» у польскай драматургіі ХХ ст. на прыкладзе п'ес «Пасля Гамлета» («*Po Hamlecie*»,